диахроническом плане, в создание основ русской фразеографии; она доступна и полезна не только для языковедов (особенно фразеологов и лексикографов), но и для широкого круга читателей — учителя и журналиста, писателя и ученого, для всех любителей и ценителей русской словесности.

С. Г. Гаврин

«Древнетюркский словарь». — Л., изд-во «Наука», 1969. III—XXLXVIII+676 стр.

Большие достижения советской лексикографии в области тюркологии сказались не только в появлении серии новых переводных, толковых, диалектных словарей современных тюркских языков, но также и в репродуцировании фотомеханическим способом таких составивших эпоху словарей, как «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова, «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и др. Список научных словарей пополнился недавно вышедшим в свет «Древнетюркским словарем» (далее — ДТС). Этот переводно-толковый словарь, подготовленный коллективом выдающихся советских ученых, представляет собою вообще первый и единственный труд такого типа и объема и является оригинальной работой, имеющей важное значение для развития тюркологических и общеалтаистических исследований в мировом масштабе.

ДТС — исторический словарь, он содержит материал, извлеченный из древнетюркских письменных памятников, главным образом, VII—XIII вв. Печатающийся в Великобритании словарь Дж. Клоусона [1] охватывает почти тот же период истории тюркских языков, но отличается от ДТС рядом особенностей.

В ДТС подытожены усилия, по крайней мере, трех поколений тюркологов. Долгая история его создания (она охватывает больше сорока лет, восходя к 1927 г., когда была начата, но несколькими годами позже оставлена, подготовка к переизданию словаря В. В. Радлова), несомненно, наложила отпечаток на ДТС.

В основу картотеки ДТС лег материал (стр. III—IV), накопленный в результате начатой под руководством и при участии С. Е. Малова работы по расписыванию ряда источников (была составлена картотека в несколько десятков тысяч словарных карточек).

В 1958 г. по инициативе А. К. Боровкова работа была возобновлена с намерением составить древнетюркский словарь названного типа. А. К. Боровков возглавлял группу составителей вплоть до самой своей смерти в 1962 г. Авторами словарных статей являются девять сотрудников сектора алтайских языков (Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин, Н. И. Летягина, В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Л. Ю. Тугушева, А. М. Щербак) и один сотрудник сектора тюркских языков (Э. Р. Тенишев) ИЯ АН СССР. Общую редактуру всех материалов осуществили В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. В разработке этимологий заимствованных слов, в подготовке работы к печати и в рецензентской работе приняли участие многие специалисты по тюркологии и другим областям знания (см. стр. V).

ДТС содержит: «Предисловие» (стр. III—V), «Введение» (стр. VI—XVIII), «Сокращения, употребляемые в Словаре» (стр. XIX—XX), «Список источников» (стр. XXI—XXXVIII), собственный корпус Словаря (стр. 1—643), приложение I: «Список слов с языковыми и диалектными пометами по словарю Махмуда Кашгарского» (стр. 644—648), приложение II: «Указатель грамматических форм (аффиксов и аналитических конструкций) по древнетюркским памятникам VII—XIII вв.» (стр. 649—668), приложение III: «Пагинация изданий словаря Махмуда Кашгарского на турецком и узбекском языках, соотнесенная с пагинацией факсимильного и наборного изданий рукописи» (стр. 669—672), приложение IV: «Addenda et corrigenda» (стр. 673—676).

Это перечисление само по себе дает представление о достоинствах ДТС, связанных, прежде всего с его объемом и охватом материала: все это позволяет сказать, что детальное обсуждение ДТС превышает возможности одного рецензента [2]. Достоинства и недостатки этого научного труда во всех их деталях будут про-

---

[1] G. Clauson, Etymological dictionary of the pre-13-century Turkish, Oxford (в печати).

[2] Ср. также: Э. Н. Наджип, Большое достижение советской тюркологии (к выходу в свет «Древнетюркского словаря»), «Народы Азии и Африки», 1970,2.

являться постепенно, на протяжении многих лет в алтаистических работах различных типов. Обстоятельный анализ огромного накопленного материала должен бы прежде всего касаться таких проблем, как: ценность самих изданий источников, явившихся основой для ДТС, способ их использования, употребляемая авторами транскрипция, а также произведенные в ДТС попытки фонологической реконструкции, качество семантических эквивалентов заглавных слов и фразеологических оборотов, подбор цитируемых фрагментов древних текстов и т. д. Во многих случаях это равнялось бы высказыванию рецензентом субъективного мнения по многим общим и частным, как правило, спорным вопросам, которые дискутируются тюркологами уже более ста лет. Таким образом, практические соображения заставляют ограничиться лишь частичным анализом, и в рецензии обращено внимание лишь на самые основные черты ДТС.

К ним несомненно принадлежат вопросы, касающиеся источников ДТС. Список рукописей и надписей занимает несколько страниц (при расположении в алфавитном порядке их условных обозначений). Список содержит краткие описания отдельных письменных памятников (или их групп), а также библиографические данные относительно их изданий. Как отмечено в «Предисловии» (стр. IV и примеч. 3), издания древнетюркских памятников, выпущенные после 1962 г. (а тем более — после 1965 г.), «в ДТС использовались неполностью». Тюркологи, пользующиеся ДТС, были бы несомненно благодарны авторам за объяснение этого не вполне четкого оборота: идет ли речь об ограниченной доступности некоторых изданий, имеется ли в виду включение материала этих изданий в словарные статьи по отдельным буквам или же в основе этого ограничения лежит убеждение авторов в том, что использовать в ДТС материал некоторых изданий или памятников просто нецелесообразно? Здесь надо заметить, что некоторые тексты, написанные при помощи алфавитов согдийского, сирийского, тибетского, а также китайскими иероглифами и т. д., не приведены в качестве источников ДТС (см. стр. VIII).

Очень быстрое развитие науки, из которого тюркология никоим образом не исключается, является причиной того, что ДТС, заботливо подготовленный усилиями многих крупных ученых, уже в настоящее время требует некоторых, впрочем, не очень значительных, дополнений. Но вполне объективным причинам в ДТС не могли быть использованы как самые новые издания древнетюркских текстов, так и результаты новейших теоретических исследований по тюркологии. В числе первых можно привести, например, издания орхоно-енисейских рунических и древнеуйгурских текстов [3], в числе вторых — «Этимологический словарь» М. Рясянена [4], работы Г. Дёрфера о тюркских и монгольских заимствованиях в новоперсидском языке [5] и мно-

---

[3] T. Tekin, A grammar of Orkhon Turkic, Bloomington, 1968 (далее — Tekin); N. Yamada, Uigur documents of sale and loan contracts brought by Otani expeditions. Appendix: The forms of the Uigur document of sales contract, «Memoirs of the Research department of the Toyo Bunko (The Oriental library)», 23 (1964), Tokyo, 1967; P. Ziemе, Beiträge zur Erforschung des X^{v} āstvānīft, «Mitteilungen des Instituts fur Orientforschung», XII, 4, 1966; его же, Die türkischen Yosipas-Fragmente, там же, XIV, 1, 1968; его же, Zwei Textergänzungen zu A. von Le Coq's «Türkische Manichaica aus Chotscho. III», RO, XXXII, 2, 1969; его же, Ein uigurisches Sündenbekenntnis, «Acta orient. Hung.» 1970, XXII, 1; его же Ein manichäisch-türkisches Gedicht, «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten», Ankara, 1969; его же, Ein manichäisch-türkisches Fragment in manichäischer Schrift, «Acta orient. Hung.», 1970, XXII, 2; G. Hazai, P. Ziemе, Ein uigurisches Blockdruckfragment einer Einleitung zum Vajracchedikāsūtra, там же, 1968, XXI, 1; их же, Fragmente der uigurischen Version des «Jin'gangjing mit den Gāthās des Meister Fu» nebst einem Anhang von T. Inokuchi, «Berliner Turfantexte I, Schrifte zur Geschichte und Kultur des alten Orients», 3, 1970; G. Clauson, E. Tryjarski, The inscription at Ikhe Khushotu, RO, XXXIV, 1, 1971; E. Tryjarski, L'inscription turque runiforme d'Arkhanen, en Mongolie, UAJb, 38, 3—4, 1966; P. Aalto, E. Tryjarski, A runic tombstone inscription presumedly from Minusinsk, RO, 1971, XXXIV, 1; Л. Ю. Тугушева, Древние уйгурские стихи, «Советская тюркология», 1970, 2; J. Hamilton, Remarques sur un manuscrit de Touen-houang en caractères runiformes, «Труды XIII сессии ПИАК в Страсбурге» (в печати); J. Matuz, Trois fragments inconnus de l'Orkhon, там же; «Les dessigns pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie recueillis par Rintchen, «Corpus Scriptorum Mongolorum», XVI, 1, Улаанбаатар, 1968; С. Г. Кляшторный, Издание каменной бабы из Улан-Батора, «Советская тюркология», 1970, 1, стр. 108.

[4] M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969.

[5] G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Wiesbaden, I — 1963, II — 1965, III — 1967.

гие другие [6]. Неучет перечисленных работ, разумеется, никоим образом не может быть поставлен в упрек составителям ДТС; в то же время приведенный перечень ярко показывает быстрые темпы исследовательской работы в области тюркологии.

Составители упустили из виду появившееся впервые в 1962 г. сообщение о состоянии древнетюркских памятников в Монголии; в результате на стр. XXIX можно прочесть не совсем точную справку о том, что Онгинский памятник якобы «находится на месте обнаружения в МНР». В действительности стела этого памятника уже не существует: лишь отдельные фрагменты разбитого камня хранятся в краеведческом музее в Арвайхээре [7]. Что касается стелы из Ихэ-Хушоту, то надпись в действительности находится не на четырех (как это утверждается на стр. XXVII), а на трех ее гранях [8]. Неточно охарактеризован памятник Хойто-Тамира и его надписи, которые — как это видно из альбома Ринчена — содержат не «от десятка до нескольких десятков рун» (стр. XXXI), но около 500 рун [9].

По словам составителей, ДТС содержит «около 20 000 слов и устойчивых словосочетаний, включая имена собственные, географические и этнические наименования» (стр. VI). Это импонирующее число, так как до сих пор не существовало древнетюркского словаря или глоссария *подобного объема*. Не совсем ясно, однако, включены ли в эти подсчеты многочисленные отсылки или нет. По нашим пробным подсчетам, сами словарные статьи представлены не столь большим числом: на стр. 100—150 расположено 1015 заглавных словарных статей (не включая отсылок), т. е. на одну страницу приходится примерно 20 словарных статей; таким образом в ДТС в целом может быть представлено около 13 000 словарных статей. Но и это число все еще не точное, если учесть принятое редакторами ДТС правило, согласно которому «в качестве отдельных словарных статей даются графические варианты, если эти варианты могут отражать межтюркские фонетические соответствия и опираются на устойчивые приемы написания в той или иной системе письменности» (стр. IX). Это правило проведено в ДТС последовательно, и в качестве заглавных слов самостоятельных словарных статей встречаем, например, *küntoγsuγ* (МК I, 463) и *küntoγsuq* (КТМ$_2$) «восток», *kökürčkän* (Rach. I$_{40}$) и *kökürčkün* (МК III, 419) «голубь», *adaq*, *aḍaq*, *ajaq*, *azaq* и др.

Для того чтобы составить представление о характере и настоящем количестве «чистого» тюркского материала, следует принять во внимание и тот факт, что в ДТС содержится довольно большое количество заимствованных слов, главным образом существительных — как собственных (географические и этнические названия), так и нарицательных. Оценка этого факта может иметь лишь субъективный характер, хотя с практической точки зрения следует считать это большим достижением ДТС. В самом деле, число заимствований в ДТС довольно значительно. Среди 1187 словарных статей (не считая отсылок), приходящихся на букву *A*, находим 59 заимствований санскритских, 52 арабских, 14 персидских, 6 согдийских, 2 тибетских, по одному индо-иранскому, иранскому, древнеиранскому, парфянскому, греческому. Среди 1070 словарных статей, приходящихся на букву *K*, эта пропорция следующая: 60 санскритских, 19 арабских, 12 китайских, 5 персидских, 2 согдийских и 1 иранское заимствование.

Отдельную группу представляют собою имена собственные, географические и этнические названия, часть которых также обозначена как иноязычные слова. Количество этих слов довольно значительное, например, на букву *E*, в которой число статей невелико, приходится 4 (5) географических (*Edil* ~ *Etil*, *Ersägün*, *Ertiš*, *Ezgänti*) и 1 этническое (*Ejmür*) названия; на букву *S* — 1 географическое название и 15 личных имен. С точки зрения формальной структуры словарной статьи, можно различить несколько схем толкования слов этой группы, например: «Ertiš *геогр.* название реки» (стр. 182); «Saqīš II *геогр.* название местности» (стр. 487), но: «Samarqand *геогр.* город Самарканд» (стр. 483), «Selängä *геогр.* река Селенга» (стр. 495). Очень редко, пожалуй — в виде исключения, авторы ДТС дают подробное описание вроде: «Ezgänti: ezgänti qadaz *геогр.* место пятого (четвертого?) сражения Бильге-кагана и Кюль-Тегина с огузами» (стр. 192). Многие уйгурские имена собственные взяты из общеизвестной работы В. В. Радлова «Uigurische Sprachdenkmäler» [10], на-

[6] См., например: E. Hovdhaugen, Turkish words in Khotanese texts. A linguistic analysis, NTS, XXIV, 1971; А. А. Раджабов, Об Онгинском памятнике, «Советская тюркология», 1970, 2.

[7] См. об. этом: E. Tryjarski, O stanie zachowania zabytków starotureckich w Mongolii i potrzebie ich ochrony, «Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych [PAN]», V., 5 (27), 1962, стр. 128—129; его же, The present state of preservation of Old Turkic relics in Mongolia and the need for their conservation, UAJb, 38, 1966, стр. 160—161.

[8] E. Tryjarski, O stanie..., стр. 136; G. Clauson, E. Tryjarski указ. соч., стр. 8.

[9] «Les dessigns pictographiques...», стр. 35—36.

[10] Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова (Л., 1928).

пример: *Saj buγa* (стр. 481), *Sambun* и *Samunšï* (стр. 483), *Seli, qutluγ qaja, Semiš, Seŋä* (стр. 495), *Säŋkä, Sepüij* (стр. 496), *Sojar* (стр. 507), *Soma* и *Somačï* (стр. 508), *Soqta* (стр. 509).

В связи с этим надо помнить, что произведенная вокализация текстов, записанных уйгурским шрифтом, часто заслуживает далеко не абсолютного доверия и, наверное, некоторые из этих имен следовало бы снабдить вопросительным знаком.

Имена нарицательные, как и многие другие заглавные и подзаглавные слова, обозначены пометами, указывающими, что это термин из той или иной области науки и знания, например: «Sevit *астр.* Венера» (стр. 498), «suv julduz *астр.* Меркурий» (стр. 515) или Ašvini (стр. 64) (в действительности только последние — мифологические термины); «süvlin *зоол.* фазан» (стр. 519). Тем не менее, международная латинская терминология, например, из области зоологической и ботанической систематики используется в ДТС исключительно лишь в тех случаях, если она фигурирует в приведенных цитатах из других работ.

Диапазон употребления помет в словарях (в ДТС они даются в «необходимых случаях» — стр. XI) обычно представляет затруднения и нет ничего удивительного в том, что и ДТС иногда не удалось избежать мелких непоследовательностей, например, *got* «ящерица», *ažru* «шакал», *süvlin* обозначены как «зоол.», но той же пометой не снабжены такие принадлежащие к этой же группе слова, как *kätičä* «комар» (стр. 326), *sanduvač* «соловей» (стр. 484), *böri* «волк» (стр. 118) и др.

Говоря о словнике ДТС, следует поставить вопрос, может ли ДТС и в какой степени — главным образом, благодаря своему объему и характеру обработки — заменить словари-индексы и глоссарии, которые обычно прилагаются к изданиям отдельных древнетюркских текстов или их антологий. По словам составителей, «задачей словника настоящего Словаря является регистрация всех слов, встречающихся хотя бы в одном из привлекаемых памятников» (стр. VIII). Тем не менее, целый ряд оговорок в ДТС не позволяет дать положительный ответ на поставленный вопрос. В самом деле: а) «... ДТС нельзя отнести к словарям типа thesaurus, так как в словарной статье не отражается каждое словоупотребление и не регистрируется их общее число» (стр. VIII), б) «отдельные тюркоязычные памятники других типов письма (согдийского, сирийского, тибетского, китайского и др.) не приведены в качестве источников ДТС» (там же), в) более мелкие памятники орхоно-енисейской письменности «используются как источники ДТС в различной степени в зависимости от их сохранности и надежности чтения. Некоторые алтайские, енисейские памятники, памятники из Кой-Сары, Кара-Тала и др. не были отражены в картотеке ДТС и включены в список источников в целях кодификации рунических надписей» (стр. VII), г) «словарная статья... не отражает лексического облика слова во всей его полноте в каждом из древнетюркских языков в отдельности, а представляет сводку значений слова по разным памятникам и на протяжении длительного исторического периода в 6—7 веков» (стр. VIII), д)... «языковое разнообразие текстов не нашло отражения в словарной статье ДТС. Цитаты подбирались в основном так, чтобы раскрыть значение слова или особенности лексического и грамматического его окружения» (там же), е) «... в ДТС переводы цитат из древнетюркских памятников у различных составителей могут звучать по-разному» (стр. XI). В ДТС, например, остались не включенными некоторые слова, регистрируемые малым глоссарием А. фон Габен, такие, как: *maχaƀali* nom pr., *mäŋ* «Art und Weise», *muymal-(o?)* «verwirrt werden», *muyum* (*o?*) «konfus», *šyawsagriw* nom pr., *taplančsïz* «unerwünscht» и др. [11].

В строении словарной статьи можно выделить ряд компонентов (из них, разумеется, не все проявляются в каждой статье): 1) заглавное слово, 2) этимологическая справка; в случае, если это заимствование, приводится исходное слово в оригинальной графике (для арабского, персидского, китайского языков) или в традиционной для этого языка транслитерации (санскрит, согдийский, тибетский и др.), 3) пометы в сокращенном виде (*бот.*, *мед.*, *побуд. от*, *страд. от* и т. д.), 4) русский перевод заглавного слова, причем если слово полисемантично, разные его значения помечаются арабскими цифрами, 5) иллюстративный материал (в транскрипции), раскрывающий употребление данного древнетюркского слова, сопровождается русским переводом и указанием на источник, откуда извлечена цитата, 7) пометы-отсылки, вроде *см.*, *ср.* Ввиду того, что варианты древнетюркских слов не приводятся под одним заглавным словом, перекрестные отсылки играют очень важную роль. Следует подчеркнуть, что система отсылок в ДТС хорошо «работает» и позволяет легко отыскать нужную статью (лишь в редких случаях, например, на стр. 226 слова *jaj* «лето» и *jajγn* «летом» не имеют перекрестных отсылок).

Следует приветствовать использование составителями ДТС системы транслитерации (слитой с фонематической транскрипцией), базирующейся на латинице. Отказ от системы транскрипции, преобладающей в русской и частично советской

[11] A. V. Gabain, Alttürkische Grammatik, 2. verbesserte Aufl., Leipzig, 1950, стр. 318, 319, 336, 338 (далее — ATG).

тюркологии [12], следует считать крупным вкладом в установление более тесного сотрудничества в области алтаистики в международном масштабе. Необоснованными представляются некоторые отклонения от международной тюркологической транскрипции (*j* вместо более привычного *y*; нарушение обычного алфавитного порядка — в ДТС χ находится в конце алфавита, а не как обычно в соседстве *h*, γ или *g*).

С графической точки зрения не следовало бы набирать заглавные слова статей одними прописными буквами: такой набор не дает соответствующего эффекта — особенно в тех случаях, когда прописные литеры оказываются в соседстве со строчными греческими буквами, а также с *ŋ*, *ŋ*, *ɪ*.

Составители не вполне последовательны в обозначении долготы тех гласных, для которых она имела, как предполагается, фонологическое значение. Так, мы находим, например: *ač* I и *āč* «голодный» (стр. 3) — *at* I «имя» (стр. 64) и *āt* «имя, название» (стр. 65), *kün* I «солнце» (стр. 326) и *kün* «светило, солнце» (стр. 327), но только *kön* «выделанная кожа» (стр. 314; Дж. Клоусон: *kön*) и *tam* «стена» (стр. 529; Т. Текин: *tām*).

С давних пор известны попытки определить фонетическое и фонологическое значение *e* в древнетюркских словах, главным образом, в начале слова. Эта проблема очень дискуссионна, и многие ученые вносили в решение этого вопроса различные предложения, находящие отражение и в транскрипции текстов. Например, А. фон Габен (ATG) различает *ä-* и *e-* в словах, заимствованных в письме брахми; С. Е. Малов в ПДТП не пользовался знаком *e*, но несколько позднее различал *ä* и *e* [13]; Дж. Клоусон различает в своих работах *ä* и *e* (обозначая их как *e* и *é*) так же, как и Т. Текин (*äb*, *är*, но *et-*). Составители ДТС продемонстрировали новое, индивидуальное решение этого вопроса: «Буква *e* (*ę*) встречается только в первых слогах слов, там, где для памятников отмечено колебание в написании *e* ~ *i* („элифа" или „фатхи" и „йайа")...буква *ę* в цитатах указывает на написание с „элифом", „фатхой" или на пропуск гласного. Буква *ä* употребляется в первых слогах в словах со стабильным написанием „алифа" и во всех непервых слогах» (стр. XVIII). Объяснение это не полное, поскольку оно относится только к словам, записанным с использованием арабского алфавита. Как видно из многих примеров, составители приняли *ä-* не только для слов, заимствованных из арабского (*ädip*, *ämr*) и персидского (*ägär*), но также из санскрита (*äžuk*), тохарского (*änkäbäs*) и согдийского (*äzrua*), в то время как основную массу тюркских слов вместе с некоторыми другими заимствованными словами, как *enätkäk* (согд. *'yntk'k*), *estup* (санскр. *stūpa*) они поместили под буквой *E*. В результате имеем: *eb* (ATG *äw*, *äb*, ПДТП *äb*, *äv*, *ev* [14], Tekin *äb*), *er* (ATG *är*, ПДТП *är*, Tekin *är*), *erän* (ATG *äränn*, ПДТП *äränn*, Клоусон, Онгин *eren*, Tekin *ärän*) и т. д. Это решение в какой-то степени практически оправдано, но с теоретической точки зрения оно спорно и даже может считаться шагом назад по сравнению с современным состоянием наших знаний в области древнетюркской фонологии. Представляется, что в заимствованиях, начинающихся со слога *bä-* — из арабского (*bäla* «беда, напасть» < араб. *balā'* — стр. 90) или персидского (*bäd* «плохой, скверный» < п. *bad* — стр. 89), следовало бы для этой эпохи писать *ba-* [15].

ДТС тщательно отредактирован, но само собой разумеется, в столь пространной работе встречаются некоторые мелкие недостатки, ошибки или опечатки. Так, например, в «Сокращениях, употребляемых в Словаре» (стр. XIX), отсутствуют некоторые из сокращений, встречающихся в корпусе словаря (инд.-ир., др.-ир.). В иностранных словах встречаются погрешности, которые не помещены в «Исправлениях и опечатках», как *jazan* (вместо *yazan*, стр. XXVIII), *Ciraund* (вместо *Giraud* стр. XXX), *Turkisch* (вместо *Turkish*, стр. XXXI) и др.

Все эти недостатки несоизмеримы с ценностью рецензируемого труда, который уже стал настольной книгой всех тюркологов и алтаистов.

Э. Трыярский

[12] С. Е. Малов, однако, в своем издании «Памятники древнетюркской письменности» (М.— Л., 1951, далее — ПДТП) частично пользовался — прежде всего, в словарной части — системой транскрипции, базирующейся на латинском алфавите.

[13] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.— Л., 1952.

[14] См.: G. Clauson, The Ongin inscription, JRAS, 1957, October, стр. 177—192 (далее — Клоусон, Онгин).

[15] Ср.: M. Räsänen, указ. соч. Такого же мнения придерживается и Дж. Клоусон.